

СЕКЦИЯ 5

Руская літаратура ў міжкультурным дыялогу

Александр Ивинский (Москва)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II: К ВОПРОСУ О ФРАНЦУЗСКИХ ПОДТЕКСТАХ ЖУРНАЛА «ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА»

Журнал Екатерины II «Всякая всячина» был ориентирован на решение нескольких культурно-политических задач. Во-первых, императрица пыталась закрепить в сфере культурного кругозора русской аристократии свою специфическую интерпретацию западноевропейской традиции сатирической журналистики; во-вторых, она стремилась содействовать пробуждению нравственного самосознания этой элиты, а вместе с тем и ее способности к адекватной самооценке; в-третьих, она хотела указать на те негативные свойства человеческой натуры, с которыми нужно было бороться в первую очередь, т. к. они тормозили развитие государства и общества по пути просвещенного абсолютизма.

Эта борьба должна была завершиться формированием нового типа русского аристократа, способного опереться на достижения европейской культуры и в сфере политического мышления, и в сфере бытового поведения. Поэтому «Всякая всячина» претендовала на то, чтобы стать «учебником» «науки жить между людьми» [см.: 3]. При этом обращает на себя внимание тот факт, что здесь для Екатерины не существовало мелочей, регулировались едва ли не все аспекты жизни благородного человека*. Особенно показательны заголовки некоторых статей: «Говорить меньше, а больше слушати других» [2, с. 414], «Быть учредительну в поступках» [2, с. 415], «Каким образом заслужить милость Государя и знатных особ» [2, с. 417]. В редакцию обращались те, кто хотел научиться правильно вести себя в свете: «Может быть, оному причиною то, что я в ребячестве рос без руководства, а в молодости судьбою был определен, оставя свет, избрать жизнь уединенную; следовательно, не было мне нужды прилепляться к науке, как жить между людьми (курсив мой. — А. И.); но понеже все подвержено переменам, переменилось время, переменились и мои обстоятельства. Я сделался теперь жителем Петербургским: вы из того легко заключить можете, что я живу в большом свете, но признаюсь, что многого не знаю, что должно знати для светской жизни: и для того хотя не обо всем, чего не знаю, однако о некоторых

*Екатерина здесь следует принципам *Polizeistaat*. Политическая теория XVIII в. находила совершенно естественным активное вмешательство государей в жизнь своих подданных. См., напр.: «Можно сказать с Пуффендорфом, что самодержавство есть право повелевать решительно во гражданском обществе ... сиречь, управлять их деяниями со властью или силою принудительною ... Самодержавство есть право, порученное одной или многим особам, ибо республика столько же самодержавна, сколько и единоначалие...» [6, с. 75–76].

вещах спросить вас намерен. Не удивитесь, что я много сделаю вам задач: должно признаться, что часто у нас с большим жаром начинают дела, нежели приводят к окончанию. Я не знаю и не хочу теперь добираться, свойство ли природы человеческой таково или то свойство наших нравов, однако знаю то, что так водится обыкновенно: и для того нетерпелив я в моих вопросах, чтоб успеть мне их сделать, покуда еще жар издавать. Всякую Всячину не простыл или покуда не уменьшилась охота читать ее... » [2, с. 210–211]. Поэтому особую роль в журнале играла переписка с читателями. При этом совершенно неважно, были ли корреспонденты реальными людьми или всего лишь «масками» издателей. «Всякая всячина» давала универсальные рекомендации, которые могли и, по-видимому, должны были восприниматься как руководство к действию. Неслучайно, что к ее редактору обращались «господин наставник»: «Господин наставник! По причине полезных наставлений, которые в ваших листах часто читаю, пришло мне на ум назвать вас теперь сим именем. Я не думаю, что наставления в том только и состоят, когда какой писец бранит и поносит все, что он ни найдет худого. Пускай кто хочет смеется чрезвычайно или улыбается таинственно; когда удастся ему подозревать, что такой-то кусок (так я перевел в сем случае французское слово *pièce*) на кого-нибудь из знакомых ему целит. Ваши наставления совсем другим вкусом писаны, не едко, но приклонительно, не с бранью, но с ласканием и ободрением» [2, с. 268].

Создавая новый образ русского «честного человека», Екатерина II опиралась на богатейшую традицию французских трактатов по воспитанию. В XVII–XVIII вв. они выходили десятками и переводились на все основные европейские языки, в т.ч. и на русский. На их страницах многократно обсуждались те проблемы (*savoir vivre*), которые оказались в центре внимания «Всякой всячины». Используя труды Н. Фаре [11], А. Куртэна [4; 9], И. Т. Шетарди [10], Ж.-Б. М. Бельгарда [1], мадам де Сюдери [6] и мн. др., Екатерина II в легком и слегка ироничном стиле светского журнала разъясняла, что такое хорошо образованный дворянин, получивший правильное светское воспитание.

Один из главных « пороков », подлежащих осмеянию, — невежливость. Из «листка» в «листок» во «Всякой всячине» публикуются тексты, высмеивающие тех, кто не умеет или не желает вести себя в обществе правильно. Вот, например, портрет мелкого чиновника, который пытается завоевать себе право появляться в хорошем обществе: «Я живу в таком обществе, где носят кафтаны с золотым галуном, и я на силу могу его сделать, за тем, что не богат; а за оное меня презирают: еще, что я не так много говорю, как прочие, называют дураком... что мне делать: начинать ли мотать? и ворчать ли, что на ум ни взбредет? У нас есть один скорописец, или секретарь, который в том свое удовольствие находит, чтоб людей оклеветать и просмеять; да нынеча в том мода: а етаких у нас много, как собак, и до Москвы не перевешаешь» [2, с. 81–82]. Такие персонажи вызывают недоумение: светская манера поведения не подразумевает ни мотовства, ни бессмысленной болтовни, все это — «татарские обычаи». Противопоставление «российских» и «татарских» нравов является ключевым во «Всякой всячине»: «Смело можно разделить наши обычаи на два рода: первые природные, другие Татарские. Все хорошие обычаи

суть природные Российские; все же дурные суть Татарские» [2, с. 35–36]. «Российские нравы» — это нравы европейские, утонченные, светские. Именно те, которые и должны быть приняты при дворе истинно просвещенного монарха, такого как Екатерина II. Ср.: «*Quel monster n'est-ce pas, en effet, qu'un grand seigneur qui n'a point de civilité? Tout le monde le fuit, tout le monde s'en irrite...*» [8, с. 243]. Уважение в обществе нужно заслужить. Но светский разговор — это не только и не столько обмен остроумными репликами, сколько утонченная интересная беседа, в которой едва ли не первую роль отводят женщине. Любая грубость в таком общении просто невозможна: «Мы должны дать приметить господину Неведомому, что косыми буквами напечатанные слова в его письме кажутся несколько суровы для нежного слуха, а наипаче женского пола, коим сделаться может обморок от подобного описания» [2, с. 84–85].

При этом редакция журнала отдавала себе отчет, что добиться желаемого результата — создания нового образа русского «честного человека» — невозможно только поучением. Аудиторию издания — придворный круг и просвещенных граждан — нужно еще и развлекать: «Два есть у меня рода читателей. Первые суть люди веселые, кои требуют испытаний острых и смешных. Другие суть степенные, и не довольствуются одними шутками, но, напротив, уничтожают оные. Если б я всегда имел степенный вид в моем сочинении, половина читателей меня бы покинули; и если б я кроме резвостей ничего не писал, я бы потерял другую. И для того я должен держаться середины, из чего обеим шайкам может произойти более пользы, нежели когда бы я писал одной только в угодность. Ибо, не зная, из чего будет составлен мой лист, статья может, что тот, который возьмет оный для своей забавы в руки, найдется опутан против воли своей нравоучением ему полезным; и что, с другой стороны, тот, у кого склонности нет к забавам, думая найти правила для жизни, неприметно принужден будет инде улыбаться. Одним словом, всякий из моих читателей садится за мой стол, не зная, какая ему пища приуготовлена, и, по крайней мере, он имеет удовольствие надеяться, что найдет что-нибудь по своему вкусу. Я бы совершенно лучше желал приложить старания дать наставление, нежели забавлять. Но если мы хотим быть свету полезны, то мы должны с ними поступать, сколько сможем по мере, как он есть, а не потому, как желательно, чтоб он был» [2, с. 327]. Светская манера общения вообще не терпела крайностей — пустая болтовня и пафос одинаково неприемлемы: «Представьте, я оказалась в обществе десяти или двенадцати женщин, которые болтали лишь о своих мелких домашних заботах, о недостатках рабов, о достоинствах или пороках своих детей, а одна из них более часа слово в слово пересказывала первый лепет своего сына, которому три года... Уверяю вас, — отвечал ей Никанор, — что потратил его не лучше вашего, ибо наперекор собственной воле оказался в обществе женщин, ... которые весь день напролет хвалили или ругали свои наряды, все время привирая об их цене... Мне пришлось целый день слушать болтовню об одних низких материях, в которой было так мало ума, что я до сих пор не в духе. Что касается меня, — подхватила прекрасная Атис, — пару недель назад я оказалась вместе с дамами, которые,

будучи не лишены ума, до странности были мне в тягость. Сказать по правде, это завзятые кокетки, и у каждой по крайней мере по одной интрижке, которая так их занимает, что ни о чем другом они думать не могут. ... Правда, — сказал Амитон, — что сталкиваться с такими людьми — наказание. Но, сказать по правде, разговор важный и серьезный, не терпящий ни малейшей шуточки, тоже бывает столь тягостен, что у меня всякий раз разбалывается голова. ...» [7, с. 152–155]. Разговор благородных дворян должен быть максимально далек от «скуки», он должен быть «приятен» и «естественен». Правильно разговаривать настоящий «честный человек» должен учиться, это целое искусство: «Беседовать в обществе — искусство, требующее практики и навыка; грубой ошибкой было бы думать, что в нем можно преуспеть, лишь справляясь со своими книгами. Слушая других, учишься говорить, как они, и лишь общение дает привычку изъясняться легко и учтиво» [1, с. 141].

«Всякая всячина» строится как имитация непринужденной беседы с читателем, «наставник» и «ученик» равны, поэтому поучение возможно только в «легкой» и приятной форме: «Исправляти нравы и вкореняти в сердца добродетель столь легким и приятным образом, как вы делаете, я почитаю за велико. Беспрестанные выговоры и брани со временем бывают привыкшему к ним неощутительны. Страшные угрозы и побои, не упоминая, что иногда портят здоровье, не имеют столько силы, чтоб вести к добру, но подают только повод скрывать зло: да они же теперь почти везде уже и выведены из обыкновения, кроме что в семинариях да в госпиталях, и то не знаю, надолго ли остались. Степенных же поучений не много видно, не много и слышно; не худо бы, кажется, было, если бы и сих поумножилось побольше. Однако же многим творцам нашим, не знаю, чего-то еще слишком недостает. Правда, пример вы им к подражанию подаете, но сего, думаю, для них не довольно» [2, с. 289]. Эту тему находим и в драматургических текстах того времени, ср.: «Un homme du monde, par exemple, a des manières... écoutez ceci, c'est la quintessence du savoir-vivre... un homme du monde a des manières, par égard, par attention pour les autres, pour leur marquer la consideration qu'il a pour eux, l'envie qu'il a de leur plaire et de s'attirer leur bienveillance. Est-il dans un cercle? Il est toujours attentive à ne rien faire, à ne rien dire que d'obligeant: il prête poliment l'oreille à l'un, répond gracieusement à l'autre; applaudit celui-ci d'un souris, fait agréablement la guerre à celui-la; dit une douceur à la mere, regarde tenderment la fille» [8, с. 53]. В этом именно контексте должен быть осмыслен известный «конфликт» Екатерины и Новикова: проецируя на русскую литературу культурную ситуацию Франции XVII–XVIII вв., императрица противопоставляла «Всякую всячину» «Трутную» как журнал светских людей журналу критиков и педантов*. Новиковские

*О педантах см., напр.: «Порой они рассуждают о вещах столь возвышенных и утонченных, что их никто не понимает, и этот великий показ учености, которым они стремятся ослепить, делает их надоедливыми педантами в глазах других. Что до меня, — подхватил Арсен, — то я охотно оставляю им эту глубокую эрудицию; люди созданы для того, чтобы жить вместе, поэтому главнее всех наук та, что учит жизни, а ученые мне как раз не нравятся тем, что они не всегда самые учтивые люди в мире. ...мир — огромная книга, из которой достойные люди узнают все, что им следует знать, и те, кто постиг эту науку, обретают лоск учтивости,

«проповеди» просто «неуместны» в обществе, «журнальные войны» неприличны: «Будучи охотник до издаваемых в нынешнем годе разных сочинений и покупая их с самого начала, с великим удовольствием читал оные, и могу сказать по справедливости, что находил в них разум, вкус и полезность; но ныне увидел в них сверх чаяния моего совсем неприличную таким сочинениям междуусобную ссору, которая в нас от приятного чтения оных великое произвела отвращение...» [2, с. 97]*. Мало того, издатель «Трутня» осуждается за радикализм, за то, что он не знает, что такое «милосердие» и «снисхождение»: «На ругательства, напечатанные в Трутне под пятым отделением, мы ответственность не хотим, уничтожая оные; а только наскоро дадим приметить, что господин Правдулюбов нас называет криводушниками и потачниками пороков для того, что мы сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение ко человеческим слабостям и что есть разница между пороками и слабостями. Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где нинаест быть могло снисхождение; а может статься, что и ум его не достигаает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь» [2, с. 174–175]. Таким образом, Екатерина предстает здесь «либералом» истинным, а Новиков — ложным. При этом важно, что осуждение не означает запрета на деятельность: «Нам его меланхолия не досадна...» [2, с. 175]. Напротив, это «ему несносно и то, что мы лучше любим смеяться, нежели плакать» [2, с. 175].

Итак, Екатерина II в 1760-е гг. создавала новый образ русского «честного человека». Это дворянин, хорошо воспитанный и образованный, легкий и приятный в общении, далекий от любой грубости или невежливости. «Всякая всячина» же в этом контексте предстает как своего рода «учебник» светского поведения, в котором обстоятельно обсуждаются те особенности этикета, которые должна будет усвоить русская элита.

Литература

1. Бельгард, Ж.-Б. М. де Образцы разговоров для учтивых людей / Ж.-Б. М. де Бельгард // Искусство частной жизни. Век Людовика XIV / М. Неклюдова. — М.: ОГИ, 2008.
2. Всякая Всячина. — СПб., 1769–1770.
3. Ивинский, А. Д. Культурная политика Екатерины II: к вопросу о литературной позиции журнала «Всякая всячина» / А. Д. Ивинский (в печати).

которого присяжные ученые почти никогда не имеют и которого с одними книгами не добьешься» [1, с. 141–143].

*В приличном обществе не должно быть «критиков» — вечно недовольные «обличители» высмеиваются, они признаются «скучными». Поэтому подвергалась остракизму сатирическая литература: «Он (знатный молодой человек. — А. И.) может сочинить песенку или забавные стишки, а сатирических крайне отвращаться он должен. Ибо ничто столько не наводит врагов и ничто не может быть подлее, как сатиры, потому что если кто вам не делает никакого зла, за что же его обижать? А когда вы имеете причину на него жаловаться, то должны вы помышлять, что честному человеку биться таким оружием весьма непристойно ...» [5, с. 49].

4. Куртэн, А. де Новый трактат о вежестве, принятом во Франции среди добропорядочных людей / А. Куртэн // Искусство частной жизни. Век Людовика XIV / М. Неклюдова. — М.: ОГИ, 2008.
5. Наставление знатному молодому господину, или Воображение о светском человеке. — СПб., 1778.
6. О государственном правлении и разных родах оного, из Энциклопедии. СПб., 1770.
7. Скюдери, М. де Беседы на разные темы / М. Скюдери // Искусство частной жизни. Век Людовика XIV / М. Неклюдова. — М.: ОГИ, 2008.
8. Boissy, L. de Le Francais a Londres, comedie en un acte et un prose. Représentée pour la premiere fois en 1727 // Theatre de Boissy. — P., 1822.
9. Courtin, A. de Nouveau traité de la civilité qui se pratique en France / A. Courtin. — P., 1672.
10. Chétardie, J. T. de Instructions pour un jeune seigneur, ou l'idée d'un gallant home / J. T. Chétardie. — P., 1683.
11. Faret, N. L'honnête homme ou l'Art de plaire à la cour / N. Faret. — P., 1630.

Лариса Йолкіна (Київ)

ПРОБЛЕМА ВПЛИВУ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ Й ФОЛЬКЛОРУ НА РОЗВИТОК СЛОВЕСНОГО МИСТЕЦТВА РОСІЇ У XVI–XVIII СТОЛІТТЯХ В НАУКОВІЙ РЕЦЕПЦІЇ В. ПЕРЕТЦА

На кожному етапі розвитку національної літератури виникають нові з'явища, які стають основою або служать поштовхом для народження інших. Відомо, що на розвиток національної літератури певним чином упливають сусідні літератури. Наприкінці XIX — на початку XX ст. з'явилася низка наукових праць Володимира Перетца, у яких автор простежує українсько-російські взаємини в царині літератури й фольклору, а також розкриває взаємовпливи в слов'янських літературах у давні часи. Зокрема, відомими стали його ґрунтовні дослідження «Ляльковий театр на Русі» (СПб., 1895) «Малоросійські вірші й пісні» (СПб., 1899), «Історико-літературні дослідження і матеріали» (СПб., 1900).

У ході досліджень поетичних, народних текстів В. Перетц звернув увагу на подібність між українськими і сербськими творами. Спроба дослідити кілька пісенних сюжетів не дала бажаних результатів, отож науковець дійшов висновку, що для об'єктивного порівняльного аналізу писемних пам'яток необхідно здійснити своєрідну «археологію пісенної поезії» [5, I]. В. Перетц вважав, що джерелом для вивчення історії російської поезії, у тому числі й народної пісні, є збірки старовинних псалмів та кантів. Саме вони, на переконання вченого, дають підстави робити наукові висновки щодо історії деяких пісенних сюжетів та їх обробок. Відомо, що значну частину таких пісень дослідив О. І. Соболевський у ґрунтовній багатотомній праці «Великоруські народні пісні» [6].

В. Перетц констатував, що джерела російської літератури своїм корінням сягають давньої віршованої творчості, «яка зародилась у південно-західній Росії, імовірно, уже в половині XVI століття» [5, II]. У ході виснування такої думки дослідник проаналізував здобутки української літератури у сфері віршування, зокрема в праці «Малоросійські вірші й пісні» увагу дослідника